

Андреев Ф. К. Камень, отвергнутый строителями: (Сто лет борьбы за онтологизм): [Вступительная лекция по предмету систематической философии и логики] // Богословский вестник 1914. Т. 3. № 10/11. С. 233–244 (1-я пагин.).

„Камень, отвергнутый строителями“.

(Сто летъ борьбы за онтологизмъ *).

Свою вступительную лекцію я посвящаю памяти моего почившаго наставника Алексѣя Ивановича Введенскаго. Но, въ этомъ посвященіи—не одинъ лишь долгъ моей признательности и желаніе моего сердца, нѣтъ, здѣсь—нѣчто большее. Въдь, посвящается не одна изъ рядовыхъ лекцій, а «начатокъ» ихъ, лекція первая, вступительная къ цѣлому курсу. Отъ нея весь предстоящій курсъ лекцій получаетъ извѣстное освѣщеніе и заранѣе опредѣленный характеръ: имя, сознательно поставленное въ началѣ работы, кладетъ печать на все ея содержаніе и, хотя бы и не упоминаемое въ дальнѣйшемъ ея развитіи, живетъ въ ней «незримымъ, тайнымъ бытіемъ»...

Но сейчасъ нѣтъ и тайны, сейчасъ оно упомянуто явно, и дѣло идетъ лишь объ его оправданіи: если здѣсь уже не одно чувство сердца и долгъ личный, если мы видимъ въ этомъ признаніи что-то принципиальное, то мы должны дать ясный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ибо принципиальными вопросами занимается та наука, въ область которой мы вступаемъ.

Итакъ, почему я посвящаю свою первую лекцію памяти Алексѣя Ивановича?—Потому, что та философская позиція, съ которой онъ изучалъ и разрѣшалъ метафизическія проблемы становится исходнымъ пунктомъ и для насъ въ предстоящей намъ, совмѣстной съ вами, работѣ. Измѣняются су-

*) Вступительная лекція по предмету систематической философии и логики, читанная, съ сокращеніями, 4-го сентября с. г.

Алексѣй Ивановичъ ВВЕДЕНСКІЙ.

шественно лишь методъ и объектъ изслѣдованія, по основной точкѣ зрѣнія у ученика общая съ его учителемъ. Признаніе этой общности и даетъ право ученику, въ самомъ началѣ его дѣятельности, упомянуть имя учителя.—Въ чемъ же заключается эта общая точкѣ зрѣнія?

Будущій историкъ русской философской мысли опредѣлитъ точно мѣсто, занимаемое въ ней покойнымъ профессоромъ: въ ряду крупныхъ русскихъ именъ онъ перейдетъ въ потомство, какъ талантливый защитникъ извѣстнаго философскаго направленія, какъ представитель одной изъ оригинальныхъ философскихъ школъ. Но, я—не историкъ, меня интересуютъ не общая характеристика его системы, въ ея цѣломъ, а лишь ея основной тонъ, лишь тотъ скрытый импульсъ, который направилъ мысль покойнаго философа по руслу извѣстнаго умственнаго теченія.

Внѣшне Алексѣй Ивановичъ примыкалъ къ тому движению западной мысли, которое характеризуется волюнтаризмомъ, съ одной стороны, и признаніемъ рѣшающаго значенія за проблемой аксіологической—съ другой. Метафизическая оцѣнка бытія съ точки зрѣнія «блага», абсолютнаго достоинства—проблема тео—или космодицеи—и волящая, интенсивная природа этого бытія, съ точки зрѣнія онтологической—вотъ двѣ любимѣйшія идеи покойнаго Алексѣя Ивановича и, вмѣстѣ,—два главные отдѣла, читаннаго имъ курса: тимологическій (включавшій космологію) и гноссологическій, занимавшійся проблемой причинности и реальности внѣшняго міра.

Впрочемъ, для слушавшихъ Алексѣя Ивановича и особенно для тѣхъ, кому приходилось бесѣдовать съ нимъ на философскія темы въ часы неурочные, дѣлалось ясно, что подобное расчлененіе проблемъ было произведено лишь въ цѣляхъ методологическихъ, но что въ сущности оба вопроса сливались въ одинъ—аксіологическій, въ вопросъ Ивана Карамазова, хотя и съ противоположнымъ рѣшеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, лишь твердо вѣря въ подлинное бытіе міра, ни на минуту не сомнѣваясь въ его реальной данности, можно обращаться къ нему съ сужденіемъ послѣдней оцѣнки. Самая непреодолимая данность этого міра, этой жизни сообщаютъ имъ волюнтаристическій, какъ-бы насильственный характеръ: проблема онтологическая дана и разрѣшена

implicite въ самомъ фактѣ оцѣнивающаго переживанія. Можетъ ли жаждущій въ пустынѣ радоваться миражу оазиса, зная, что это—только миражъ, и кто будетъ поражать призракъ, видя какъ мечта свободно проходить сквозь него!— «Я міра этого Божьяго не принимаю, говоритъ Иванъ Карамазовъ, и хотъ знаю, что онъ существуетъ, да не допускаю его вовсе...» Въ этихъ словахъ—весь паѳосъ аксіологіи и вмѣстѣ—вся ея онтологія... Но отсюда же начинаются и ея философскія мытарства.

Это бунтъ? спрашиваетъ Алеша. Да, отвѣчаютъ ему хоромъ чистые философы: это—бунтъ противъ философской азбуки, противъ чистилищнаго «de omnibus dubitandum», противъ методическаго критицизма, противъ вѣковой философской культуры. Неужели философъ-аксіологъ не знаетъ, что вещи въ себѣ непознаваемы, что само я—результатъ чистой рефлексіи, воля—безропотная раба трансцендентальнаго долга, что никакой чистой данности, подлежащей «психологической» оцѣнкѣ, нѣтъ, а есть лишь одна абсолютная «заданность», вѣчное созиданіе, по непреложнымъ логическимъ законамъ! Не есть ли поэтому аксіологія какой-то запоздалый сенсуализмъ, разбирающій между «мое» и «чужое», болѣзненный метафизическій рецидивъ, возвращающій мысль ко временамъ докантовскимъ?

Такъ говоритъ чистая философія и, со снисходительнымъ состраданіемъ, поематриваетъ, со своихъ университетскихъ кафедръ, на кафедру академическую. Да, вздыхаетъ она, мы всегда замѣчали, что академіи, и Московская въ особенности, шли не въ уровень съ общимъ теченіемъ философской мысли: прежде, когда весь западъ и вся свѣтская Россія учились у Гегеля. Московская академія остановилась на мистическомъ Шеллингѣ, теперь, когда безчисленные неокантіанскіе кружки наперерывъ спѣшатъ построить систему чистой, безпредпосылочной мысли, академія вновь коснѣетъ у нефилософскихъ родниковъ «слѣпой воли» и «безсознательнаго». Аксіологія вырастаетъ на почвѣ дурнаго онтологизма, на давно уже заброшенныхъ пустыряхъ догматической метафизики.

Въ наши дни это обвиненіе тяжкое: назвать кого-нибудь догматическимъ, принципиальнымъ онтологистомъ—это значить обвинить данное ученіе въ привнесеніи въ сферу чи-

стаго разума ирраціональныхъ элементовъ. Если въ извѣстной философской концепціи усматривается такой неразложимый мыслью осадокъ, то данное построение получаетъ обидную, въ устахъ кантіанцевъ, кличку онтологизма, которая равносильна признанію нѣкоторой умственной ограниченности, трусости передъ силою факта. Чистый рационализмъ стремится и, какъ ему кажется съ успѣхомъ, совершенно изгнать изъ области философіи понятіе факта, какъ какой-то простой голой данности. Для рационалиста міръ не только разлагается на чисто разсудочные моменты, но и обратно: онъ есть лишь чистый продуктъ взаимодействия этихъ апіорныхъ, разсудочныхъ схемъ, притомъ безъ надежды на окончательную ихъ кристаллизацию (иначе бы онъ снова оказался голымъ фактомъ), а лишь на вѣчное приближеніе къ ней, какъ къ нѣкоторому идеальному, но никогда недостижимому предѣлу.

Несомнѣнно, второе, чисто рационалистическое теченіе, искреннѣе и точнѣе выражаетъ извѣчную тенденцію отвлеченной мысли. Конечно, поскольку разсудокъ стремится къ познанію окружающаго и себя самого, онъ всегда живетъ вѣрой въ то, что это окружающее—весь міръ и даже самъ разсудокъ для себя—станутъ насквозь ясными, прозрачными для мысли. Правда, кажется какъ-будто это не мѣшаетъ міру оставаться самимъ собой: вещь, понятая до конца, все же сохраняетъ свою вещьность и, хотя бы пронизанная насквозь мыслью, все еще стоитъ передъ ней, какъ нѣкоторый фактъ, какъ бы какая-то стеклянная фигура или обведенная тонкими контурами полупрозрачная схема; самъ разумъ представляется себѣ какимъ-то вмѣстилищемъ чистыхъ мыслей. Но, такимъ ожидаетъ видѣть міръ своего опыта лишь философъ-эмпирикъ (въ широкомъ смыслѣ): чистый философъ-рационалистъ идетъ дальше: онъ внимательнѣе всматривается въ этотъ процессъ логической дематеріализации вещи и скоро убѣждается въ томъ, что мысль не только выѣдаетъ «чувственную» сердцевину вещи, сохраняя ее оболочку, но что та же участь постигаетъ, должна постигнуть и эту послѣднюю физическую реальность ея, хотя бы въ видѣ чистой интуитивной схемы. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ познать вещь? Есть ли познаніе лишь разложеніе на первоначальные элементы?—конечно нѣтъ, иначе бы дѣло

философіи перешло къ микроскопамъ и спектроскопамъ, и атомистическій, въ широкомъ смыслѣ, матеріализмъ былъ бы единственно признанной философской системой. Однако мы видимъ, что чистая философія живетъ и благополучно процвѣтаетъ рядомъ съ научнымъ эмпиризмомъ. Чѣмъ же она питается?

Она живетъ вѣрою въ логическую разложимость всякаго физическаго атома.—Въ чемъ же заключается это, повидимому, безвредное для физики, разложеніе?—Въ томъ, что атомъ теряетъ права на элементарность и, какъ всякій объектъ мысли, долженъ дать строгій отвѣтъ на философское «что?».—Чѣмъ же это философское «что?» отличается отъ эмпирическаго? Почему отвѣтъ: «атомъ» для философа-раціоналиста неудовлетворителенъ?—Потому что «атомъ» не есть опредѣленіе (его единственно ищетъ мысль), а простое имя, кличка извѣстнаго, хотя бы и предѣльнаго для эмпирии объекта.—Что же значитъ философски опредѣлить атомъ?—Это значитъ возвести его къ его родовому понятію.—Но, атомъ не имѣетъ физическаго родителя, онъ просто данъ.—Тогда простая данность, чистое бытіе и есть его *genus proximum*.—Это—чистое отвлеченіе, отвѣчаетъ эмпиризмъ: мы не знаемъ данности вообще, а лишь данность атома.—Но тогда, отвѣчаетъ логика, вы не знаете и атома; можетъ быть вы его видите, но сказать, что атомъ познанъ наука не имѣетъ права.—Чѣмъ же это предѣльное видѣніе ниже мысли?—Тѣмъ, что оно безмысленно и, слѣдовательно, безмысленно.—Однако изъ него объясняется все!—Объяснить все изъ необъяснимаго—значитъ вовсе не объяснить, а только *описать*.—Съ меня этого довольно, отвѣчаетъ наука и дурной онтологизмъ;—для меня этого слишкомъ недостаточно, отвѣчаетъ логика. Если атомъ не умѣетъ назвать имени своего «физическаго» родителя, онъ долженъ оправдать себя изъ себя самого. Физическій атомъ этого сдѣлать не можетъ, значитъ физическій атомъ—не послѣднее звено въ діалектической цѣпи, значитъ есть атомъ высшій.—Психическій, спѣшитъ подсказать онтологизмъ.—Нѣтъ, чисто логическій, отвѣчаетъ раціонализмъ.—Что же это за логическій атомъ?—очевидно, это—сама мысль въ себѣ, но,— не какъ конечный фактъ, а какъ вѣчный актъ. Схемы, контуры, атомы—это лишь остановки лѣнней мысли и фантазіи пассивнаго «воззрѣнія». Чистая мысль

уходить въ глубь факта-явленія, не въ трансцендентную область новыхъ вещей въ себѣ, а поднимается къ той таинственной, трансцендентальной границѣ, на ту логическую «твердь», что лежитъ между верхними и нижними водами «онтологизма», и гдѣ вѣчно текущія свѣтила-мысли, связанные стойкими узами логическаго тяготѣнія, дышать и сіяютъ чистымъ свѣтомъ абсолютнаго вѣдѣнія.

Но, не есть ли это восхожденіе въ свою очередь фантазія? Гдѣ чистая мысль видитъ залогъ надежды на окончательный успѣхъ своего умозрительнаго подвига?—Этотъ залогъ даетъ ей въ каждомъ актѣ познанія: каждое частичное познаніе, каждое новое звено въ діалектической цѣпи свидѣтельствуемъ о томъ, что предметъ, предметное—не вѣчны, что, напротивъ, познаніе только тогда говоритъ: понятно! когда объекта, подлежавшаго познанію, уже нѣтъ. Какъ это возможно? развѣ мысль убиваетъ?—Да, она убиваетъ въ каждой вещи ея фактичность. Правда, опредѣленіе кажется вещью безобидною въ «физическомъ смыслѣ»: назвать вещь своимъ именемъ это значить, повидимому, просто наклеить извѣстный ярлыкъ, причемъ сама вещь остается нетронутой. Но, это не такъ. Почему?—потому что всякая вещь для насъ исчерпывается своимъ опредѣленіемъ. Это кажется страннымъ: опредѣленія часто случайны, внѣшны, въ вещи остается еще много невидимаго, неопознаннаго, неизвѣстнаго. Конечно, но мы и не говоримъ, что она исчерпывается нашими опредѣленіями въ себѣ, или онтологически, мы говоримъ лишь, что для насъ всякая вещь вполне исчерпана тѣмъ, что мы о ней знаемъ.—Да, но вѣдь мы живемъ вѣчною надеждою на то, что узнаемъ о ней больше.—Несомнѣнно, но будемъ ли мы въ правѣ это новое, большее знаніе отнести къ прежней вещи?—Почему же нѣтъ?—Да именно потому, что прежняго знанія уже нѣтъ.—Но вѣдь новое знаніе лишь расширило прежнее?—Нѣтъ, новое знаніе и есть новое знаніе и новый объектъ. Что значить расширить знаніе? Если мы раньше говорили: трава зеленая, а теперь говоримъ: зеленый цвѣтъ травы зависитъ отъ хлорофилла, то развѣ мы только расширяемъ понятіе зелености? не вводимъ ли мы, напротивъ, лишь новый объектъ познанія—хлорофиллъ?—Но вѣдь зеленый цвѣтъ травы остается,—да, но уже какъ чистое воспріятіе, а «на самомъ дѣлѣ» передъ нами уже не зелень, а хло-

рофилль. Если мы далѣе познаемъ хлорофилль, изучимъ условія его появленія или, можетъ быть, разложимъ на составныя части, тогда «хлорофилль», въ свою очередь, окажется пустымъ звукомъ, и передъ нами будетъ новый объектъ... Смутною вѣрою въ смертность, въ полную уничтожимость объекта живетъ мысль съ первыхъ дней ея появленія. Правда, она думаетъ, что убивая тѣло вещи она тѣмъ спасаетъ и освобождаетъ ея бессмертную душу, однако вполне ясный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ отдаетъ лишь философія. «Душа» науки, какъ мы знаемъ, оказывается лишь неуничтожимымъ тѣльцемъ—атомомъ, но философія идетъ дальше: если всякое новое опредѣленіе, говоритъ она, убиваетъ объектъ, какъ таковой, то ясно, что послѣдній объектъ, притязающій на бессмертіе, будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ чистымъ опредѣленіемъ себя самого. Уловить характеръ этой самоопредѣленности философія все еще не можетъ вполне, но она живетъ тайною надеждой на эту вѣчную жизнь мысли, хотя явно и говоритъ, что съ нея достаточно вѣчной смерти всего «просто онтологическаго».

Но если, дѣйствительно, таковъ законъ познанія, то обвиненіе въ намѣренномъ онтологизмѣ становится крайне обиднымъ для философа. Вѣдь это въ сущности значитъ сказать, что философъ-онтологистъ вовсе и не философъ, а скорѣе какой-то тупой, упершійся въ «вещество» эмпирикъ. Прежде такимъ «веществомъ» былъ для насъ субъектъ-объектъ Шеллинга, эта, по выраженію Гегеля, ночь, гдѣ всѣ кошки сѣры. позже—неразумная воля и, наконецъ, какъ достойное завершеніе всего,—само безсознательное, т.-е. чистый отказъ отъ мысли.

Обвиненіе тяжкое, притомъ подтверждаемое документально. грѣхъ, теперь уже *вѣковой*, и мы должны оправдаться въ немъ! Онъ кажется тѣмъ болѣе тяжкимъ, что наша академія получила начало своего существованія какъ разъ въ годъ смерти Фихте, этого послѣдняго «безсознательнаго метафизика», безсознательнаго потому, что Гегель и Шеллингъ—принципальный раціонализмъ и принципальный онтологизмъ—тогда еще только что вооружались на брань, и царь и лозунгъ новѣйшей философіи произносились еще вполголоса. Въ невинности передъ еще неосознанной грядущей борьбой, Фихте слишкомъ откровенно обнажилъ душу подлин-

наго критицизма, гдѣ сухая формальность логическихъ схемъ была пронизана всепожирающимъ огнемъ алогического, стихійнаго самоутвержденія. Фихте шокировалъ кантіанство, раскрывая его метафизическое нутро, и вотъ почему отъ него отвернулся и чистый рационализмъ, видящій во всякомъ субъективизмѣ слѣды непобѣжденнаго окончательно дурного онтологизма, и чистый онтологизмъ, боящійся однѣхъ логическихъ схемъ. Но въ годъ смерти Фихте два враждебные лагеря уже стояли другъ противъ друга, для наивности мѣста не было, предстоялъ выборъ— *aïreivc*. и наша академія выбрала Шеллинга. Въ этомъ ея философская «ересь». Въ ней она коснѣла цѣлый вѣкъ и ей же она обѣщаетъ служить и въ будущемъ... Мы должны оправдать эту ересь. Какъ это возможно?

Все разрушается, ничто не вѣчно, говоритъ время; всякій фактъ снимается въ движеніи діалектической мысли, говоритъ логика. Лишь мгновение можетъ охватить въ эстетическомъ восторгѣ ускользающее бытіе. Но, мгновение неуловимо, а съ нимъ исчезаетъ и бытіе... Подъ этотъ монотонный напѣвъ времени возникла философія чистаго рационализма, и въ этомъ—все ея оправданіе. Мы не знаемъ застывшаго мгновения, говорятъ чистые философы: его уловилъ нашъ Фаустъ, но то была минута его смерти; а мысль безсмертна, поэтому она и не знаетъ остановившагося мгновения,—коснаго бытія: его знаетъ догматическій онтологизмъ, поэтому онъ и имѣетъ дѣло съ трупомъ и самъ мертвъ...

Да, и нашъ онтологизмъ имѣетъ дѣло со смертью, но онъ не мертвъ, ибо то, передъ чѣмъ онъ стоитъ,—не трупъ. Что же это?—Это неслѣнные мощи преп. Сергія.

Это и есть вашъ «субъектъ-объектъ», усмѣхается рационализмъ?—Да, это—вѣчно живое, хотя и лежащее во гробѣ гѣло. Рефлексія тщетно пытается «снять» этотъ фактъ.—Вотъ мы придемъ и сожжемъ его, отвѣчаютъ дѣти германскаго рационализма. Но, не будетъ ли это позоромъ для чистой мысли, если ей на помощь должны придти руки и слѣпая воля?—Пусть такъ, но когда воля и руки сдѣлаютъ свое дѣло наступитъ царство одного чистаго разума.—Но, какъ же быть съ тѣми пятью вѣками неслѣнія? вѣдь это отрѣзокъ круга вѣчности: по его кривизнѣ люди могутъ догадаться о бытіи этой неподвижной вѣчности.—Они забудутъ о нихъ и о ней.—

Итакъ, вы зовете на помощь и забвеніе, не есть ли это «безсознательное», котораго такъ не любить логика?

Богъ охранить насъ отъ такого испытанія въ трудный часъ: наша философія уже цѣлымъ вѣкомъ воспитываетъ насъ въ безстрашіи передъ этимъ высшимъ испытаніемъ. Да, есть вѣчный фактъ, есть застывшее мгновеніе: трансцендентальный рубежъ между «стихійной» жизнью и смертью есть не только логическая, но и физическая «твердь». Есть почва для принципиальнаго онтологизма, есть его оправданіе... Оно—не чисто логическое, робко возражаетъ разсудокъ, но теперь уже мы, съ нашей неподвижной точки, будемъ задавать ему вопросы.

Гдѣ эта сфера чистой логики? кто тамъ былъ? Есть ли хоть одно имя въ царствѣ рационализма, которое, посмертнымъ или прижизненнымъ приговоромъ окружающихъ, не было бы обличено въ скрытомъ догматизмѣ. Рационалистическая философія давно уже лишила міръ его красоты: утративъ передъ взоромъ мысли всѣ свои пестрыя краски онъ сталъ похожъ на огромную чернильницу, въ черную муть которой философы - рационалисты обмакиваютъ свое перо, чтобы на бѣломъ листѣ чистаго сознанія возсоздавать его красоты «изъ головы». Впрочемъ, и чернильница покируетъ, какъ догматическое *conditio sine qua non*, и со временъ Декарта философія всѣми уловками спѣшитъ ее замаскировать. Однако опыты донинѣ не удаются. На что былъ чистъ тотъ листъ абсолютнаго скептицизма, на которомъ расположился возсоздавать свою систему Декартъ, но предательская клякса онтологическаго «*sum*» испортила его. Спиноза и Лейбницъ «отвели глаза», занявшись ея виѣшнимъ видомъ и внутреннимъ строеніемъ, какъ будто о ней именно и шла рѣчь, и лишь Кантъ попытался ее стереть. Его самопишущее перо уже не нуждалось въ чернильницѣ, но Фихте выдалъ чѣмъ оно было наполненно. Съ тѣхъ поръ это обратилось въ спортъ. Каждый старался уличить сосѣда въ скрытомъ логическомъ фокусѣ и каждый находилъ въ чемъ уличить. Законъ времени и діалектическаго движенія, такъ нравившійся рационалистамъ, оказался и ихъ предателемъ. Въ погонѣ за чистой жизнью, дальше отъ мертваго факта, рационалисты всюду натыкались на трупы предшествующихъ звеньевъ, моментовъ когда-то живыхъ, теперь оконченъвшихъ

въ прошломъ. Паѳосъ жизни сталъ паѳосомъ смерти. Это ясно осозналъ еще самъ родоначальникъ паштогизма. «Замкнутый кругъ, который покоится въ себѣ и, какъ субстанція, содержитъ свои моменты, говоритъ Гегель, есть непосредственное и потому не вызывающее удивленія отношеніе. Но то, что акцидентальное, какъ таковое, оторванное отъ своего цѣлаго, то, что связано съ другимъ и только въ своей связи съ нимъ дѣйствительно, приобретаетъ собственное наличное бытіе и обособленную свободу, въ этомъ состоитъ поражающая сила отрицательнаго; это — энергія мышленія, чистаго я. Смерть, если угодно назвать такъ такую недѣйствительность, есть самое ужасное, и, чтобы удержать мертвое, требуется величайшая сила. Безсильная красота ненавидитъ разсудокъ, такъ какъ онъ требуетъ отъ нея того, чего она не въ силахъ дать» *), т.-е. видѣть въ трупѣ высшую красоту и мудрость. Однако и это разоблаченіе—не по сердцу слѣдующимъ поколѣніямъ раціоналистовъ: Наторпъ жестоко смѣется надъ Гегелемъ за его кругъ; но дѣло, конечно,—не въ кругѣ, а въ признаніи смертности, трупности, какъ составнаго момента въ движеніи жизни. Начиная жизнь, раціонализмъ кончаетъ трупомъ—таковъ приговоръ каждому новаго поколѣнія надъ гробами отцовъ.

Но мы, у гроба отца нашего Сергія, скажемъ иное: если трупъ неизбѣженъ даже въ сферѣ безсмертной мысли, то это неумирающее тѣло не есть ли залогъ новой высшей мудрости? Если философія чистой разсудочной мысли ведетъ къ мертвому факту, то не поведетъ ли насъ философія живого факта въ царство мысли онтологической?—Что же это за «онтологическая» философія? не есть ли это чистый эмпиризмъ, уходящій какъ мы видѣли въ старую область логическихъ абстракцій, или вращающійся въ заколдованномъ кругу чистаго описанія?—Нѣтъ, философія живого факта есть философія *чистаго выбора*, въ ея первомъ моментѣ, и *философія воплощенія*, въ ея метафизической глубинѣ. Она начинается съ той трансцендентальной точки, гдѣ пята истины соприкасается съ головой діалектическаго змѣя... Быстрой змѣей извивается рефлексія, всѣ члены ея въ вѣчномъ движеніи, неподвижна лишь одна ея сплюснутая голова. Эта

*) Werke, B. II, S. 25—26.

голова, это—тотъ трупъ, тотъ голый фактъ, голая данность, отъ которой тщетно силится оторваться вьющееся тѣло змѣи-диалектики.—Но почему же неподвижна глава? почему она не принимаетъ участія въ стремительныхъ волнообразныхъ движеніяхъ тѣла?—Она не можетъ этого сдѣлать, ибо она прижата къ землѣ чьей то твердой пятой. Эта пята, это—тоже чистая данность, это—тѣло какой-то высшей истины, это—сама Воплощенная Истина... И пята неподвижна, какъ придавленная глава змѣи, но это—неподвижность не злобнаго безилія и цѣней, это—неподвижность послѣдняго напряженія и побѣды, это—покой вѣчной жизни, не умирающей и во гробѣ, это—точка высшаго духовнаго роста... «Онъ будетъ поражать тебя въ голову, а ты будешь жалить его въ пяту»,—эта картина міровой борьбы, послѣ воплощенія Истины, до ея послѣдней побѣды, кладетъ свой отблескъ и на гробницу преп. Сергія... И здѣсь нуженъ выборъ, и здѣсь возможенъ бунтъ, еще болѣе страшный, чѣмъ диалектическое «снятіе» факта, но зато это—бунтъ послѣдній, передъ послѣдней побѣдой и побѣднымъ вѣнцомъ... Змѣи жалить истину въ пяту: истина это—апокалипсическій Агнецъ, стоящій передъ престоломъ и «какъ бы закланный» („ὄς ἐβραυμένον“ Апок. 5. 6), но и одна изъ головъ звѣря «какъ бы ранена» („ὄς ἐβραυμένη“ Апок. 13. 3): между этими двумя образами предстоитъ и послѣдній выборъ, и благо тому, кто пойдетъ за закланнымъ Агнцемъ, кто не убоится гвоздинныхъ ранъ и плотяности Истины...

И вотъ, оглядываясь теперь на протекшее столѣтіе, мы видимъ съ радостью, что наша академія не только никогда не боялась факта, «онтологіи», но, напротивъ, всегда расчищала для нея философскія дебри. Ея философскій выборъ былъ не ересью, а исповѣданіемъ той высочайшей истины, что выше всѣхъ доказательствъ разума, выше всѣхъ авторитетовъ стоитъ фактъ послѣдняго свободнаго выбора между истиной и ложью. Она всегда знала, что мысль лишь подводитъ волю къ послѣднему предѣлу, къ той без- или сверхсознательной точкѣ, гдѣ всѣ субъектъ-объекта—безпочвенной мысли и «безмысленнаго» факта—ждутъ не логическаго, а волевого усилія, способнаго склонить ихъ въ любую сторону. Укрѣпленные руками предшественниковъ эти всѣ были приведены въ движеніе покойнымъ Алексѣемъ Иванов-

вичемъ. Слушавшимъ его курсъ часто казалось неяснымъ, которая изъ чашъ должна перетянуть, но въ этомъ открывалась лишь философская честность и послѣдовательность его аксіологической позиціи. Въ какую сторону клонилось его собственное рѣшеніе—мы знаемъ, это знаютъ всѣ, видѣвшіе его передъ лекціями склонявшимся у мощей преп. Сергія. Но побѣда была уже заложена въ самомъ фактѣ признаніи этихъ вѣсовъ, этого онтологическаго равновѣсія: точка, на которой держались эти вѣсы была уже какъ-то дана, это былъ фактъ нетлѣнія св. мощей; поэтому перетянула та чаша, гдѣ было больше «бытія».

И нынѣ, становясь участниками въ этомъ вѣковомъ философскомъ наслѣдіи, принимая его уже не въ процессъ его завоеванія, а въ его послѣднемъ выборѣ, мы вновь возвращаемся къ самымъ онтологическимъ родникамъ нашей философіи. Сто лѣтъ назадъ выборъ былъ уже сдѣланъ не въ сторону змѣи, а въ сторону воплощенной истины, сто лѣтъ были посвящены борьбѣ за онтологическую точку: выборъ сердца былъ оправданъ разумомъ, осуществленъ волей. Онтологія «безсознательнаго» пришла къ сознательной аксіологіи и сама стала сознательной. На это вѣковое наслѣдіе, на эту оправданную онтологию и обращенъ теперь нашъ взоръ... Пусть же растетъ эта онтологическая точка, пусть вырастаетъ она въ живое тѣло: тайна этого роста и тайна тѣла должны отнынѣ привлечь наше вниманіе... Мы вѣримъ, что на этомъ пути насъ ждетъ не давящій мракъ безсознательнаго, но свѣтлое царство разумнаго созерцанія, діалектика реальная, ничего не убивающая въ своемъ поступательномъ движеніи, но сплетающая свои звенья въ единство духовно-тѣлесной организаціи, по законамъ высшей гармоніи, благодатной силой божественнаго строительства. За вѣковую исторію своего развитія академія уже далеко продвинулась на этомъ пути. И потому, посвящая нынѣ нашу первую лекцію имени покойнаго Алексѣя Ивановича Введенскаго, мы, тѣмъ самымъ, посвящаемъ ее всей вѣковой философіи родной академіи, пріютившейся подъ сѣнью гробницы преп. Сергія, посвящаемъ ее имени самого преп. Сергія и—вершинѣ всякаго онтологизма—Истинѣ, явившейся во плоти.

Θ. Андреевъ.